

КАТЕР В МОРЕ

Рассказ

Ветер доставил много неприятностей Денисюку. У острова Угаданного, где Денисюк должен был работать аэрологом, разгулялся такой прибой, что выгрузка казалась невозможной. Из-за позднего времени года «Георгий Седов» не мог задерживаться. Льды грозили преградить ему обратный путь. Капитан Борис Ефимович вынужден был изменить своей обычной осторожности и вести выгрузку во время прибоа.

Что делалось на берегу, я не знал. Я лишь видел людей, возвращавшихся на пустых кунгасах. На моряках не было сухой нитки. Они грелись разбавленным спиртом. Говорят, что некоторые ящики вылавливали прямо из воды.

Выгрузка велась и днем и ночью.

Капитан не знал, удастся ли ему выбросить на берег все грузы, и установил очередность. Сначала — продовольствие и топливо и в последнюю очередь водородные баллоны.

Вот тут-то и начались неприятности для аэролога Денисюка. Баллоны казались ему самым важным грузом. Без них он не сможет наполнять водородом шарики, которые должен систематически выпускать в течение всего года. Наблюдая за их полетом на разной высоте, можно определить скорость и направление ветра.

Денисюк категорически отказался съехать на берег без баллонов. Я видел, как он, огромный, неуклюжий, мрачно разгуливал по палубе, глядя на далекий остров, пустынный и плоский, с одиноким домиком, который уже начало заносить снегом.

Отправился Денисюк на остров с последним рейсом катера, буксировавшего кунгас с его «драгоценными» баллонами.

Повел катер мой приятель, третий штурман Иван Васильевич Нетаев. К концу рейса капитан все больше доверял ему. Вместо измученного моториста, работавшего двое суток без сна, в этот рейс вместе с Нетаевым отправился старший механик Карташов.

Я понял, какое значение придает капитан этому рейсу, если поручил его своим любимым помощникам.

Когда катер, буксируя кунгас с водородными баллонами, отошел от корабля, налетел снежный заряд. Незаметно он перешел в пургу. Наш «Петушок» пропал из поля зрения. У всех нехорошо стало на душе. Видимость кончалась прямо у борта корабля. Даже вершины мачт скрылись. Остров исчез. Все тревожно прислушивались к замиравшему стуку дизелька катера.

Наконец стук замер.

И вот уже полтора часа, как не слышно катера ни на корабле, ни на острове, с которым мы по радио поддерживаем связь.

Катер не дошел до берега... и не вернулся к кораблю.

Каждый из нас мысленно старался представить себе, что происходит сейчас со штурманом Нетаевым, старшим механиком Карташовым и с Денисюком, который был один на кунгасе с баллонами.

Как выяснилось позднее, дизель на катере заглох, когда Иван Васильевич уже видел ориентир — костер, разложенный на берегу.

Рубка, где стоял у штурвала Нетаев, сообщалась с машинным отделением через переговорную трубу.

— Что случилось? — крикнул Нетаев, наклонившись к раструбу.

— Сейчас запущу, — отозвался механик, приземистый, пожилой моряк.

В тесном машинном отделении он склонился над дизелем.

Дизель запускают не заводной ручкой, а сжатым воздухом, впуская его в цилиндры. Баллон со сжатым воздухом лежал на специальной подставке, иначе он перекатывался бы при каждом крене катера, который валило с боку на бок. «Петушок», потеряв скорость, не слушался руля, и его било теперь волнами в борт.

Карташов прошел всю школу судовой выучки. Он умел, когда надо, все делать своими руками, за что его особенно ценил капитан.

Механик соединил шлангом баллон с дизелем и повернул кран дроссельного клапана, снижающего давление сжатого воздуха. Стрелка манометра на баллоне дрогнула. Сжатый воздух ринулся в цилиндры.

Карташов дал топливо — вспышка! Еще вспышка! Дизель застучал. Перестал. Опять застучал... И заглох.

— Форсунка засорилась! Надо прочистить! — уверенно крикнул Карташов в переговорную трубку.

Штурман Иван Васильевич тщетно старался поставить катер против волны.

Огонь на берегу быстро удалялся. Ветер и течение несли катер в открытое море. Всегда немного нерешительный, Иван Васильевич посмотрел на компас, стараясь хоть приблизительно определить направление своего вынужденного курса.

С матросской сноровкой, цепляясь за поручни на машинной надстройке, штурман прошел на корму, Карташова он не торопил. Он во всем доверялся этому опытному человеку, который и говорил и действовал уверенно.

С кормы катера сквозь летящую снежную стену уходил в полумрак буксирный канат. Кунгас казался темным расплывчатым пятном.

Волны перекатывались через катер. Они клали его набок, а он, наклоняясь, упрямо выпрямлялся, как ванька-встанька.

Снег, липкий и мокрый, бил в лицо, залепляя глаза.

Осветился квадрат люка. Из него показалась голова механика в сдвинутой на затылок кепке.

— Сейчас запустим! — ободряюще крикнул он.

Успокоенный штурман вернулся в рубку и взялся за штурвал.

Но на душе у него все же было нехорошо. Механик запустит дизель... а куда идти?

Не легко в море найти остров. «Седов» его трое суток искал.

На катере не было ни радиопеленга, ни лага, ни карт с нанесенным на них курсом.

Когда-то известный советский ученый, анализируя в Ленинграде путь дрейфовавшего во льдах судна, указал местоположение неизвестного острова. Нетаев был теперь рядом с этим островом Угаданным, но не знал, как добраться до него...

Дизель не работал.

— Что там у тебя? — снова крикнул Нетаев в переговорную трубу.

В машинном отделении молчали.

С тяжелым предчувствием штурман выбрался из рубки и взглянул в люк машинного отделения.

Электрическая лампочка тускло освещала широкую спину старшего механика. Карташов обернулся. Нетаев не узнал его обычно спокойного, уверенного лица. Казалось, Карташов испытывает сильную физическую боль. Он указал штурману на стрелку манометра.

— Все стравил, — упавшим голосом сказал он. — В баллоне воздуха не было... стрелка манометра застряла...

Нетаев увидел капельки пота на морщинистом лбу Карташова. Тот продолжал чужим, незнакомым Нетаеву голосом:

— Дизеля не запустить. Моя вина. Беру на себя... Стрелка обманула. Горе-то какое, Ваня! — и у Карташова перехватило горло.

С неожиданным спокойствием Нетаев сказал:

— Пассажир ведь на кунгасе... Надо его на катер взять. Кунгас скоро затонет.

Спокойные слова молодого штурмана отрезвляюще подействовали на механика. Он нахмурился, пнул ногой пустой баллон и полез следом за Нетаевым по трапу.

Они выбрались на корму. Липкий снег и брызги летели отовсюду. Через голенища в сапоги заливалась вода.

Моряки ухватились за буксирный трос и с трудом стали тянуть его. Скоро из мглы показалась пляшущая тень. Это был кунгас. На носу его виднелась фигура человека.

Когда нос кунгаса поравнялся с кормой катера, Нетаев крикнул:

— Прыгайте, Денисюк! Трос обрубим!

— Как же так — обрубим? — слышался голос. — Так ведь тут баллоны с водородом!

— Какие там баллоны! — с раздражением сказал Карташов. — Кунгас ко дну пойдет. Разве не понятно?

— То ж понятно, — отозвался Денисюк. — Вполне понятно. Только как же баллоны бросать?

Он выкрикивал слова, то поднимаясь над кормой, то проваливаясь куда-то вниз.

— Прыгайте! — начал сердиться Карташов.

— Так ведь без баллонов ни единого шара не выпустить. То ж не дело! — хрипло протестовал Денисюк.

— Нам кунгас не удержать, он открытый, его зальет волнами, — сдерживаясь, объяснил Нетаев.

— Так вы бы то сразу сказали. А ну! Поберегись!

На палубу что-то грохнулось. Карташов едва успел отскочить. Это упал брошенный с кунгаса баллон. Трудно было поверить, что пятидесятикилограммовый баллон можно было перебросить на такое расстояние. Но Денисюк, огромный Денисюк, в армии удивлявший однополчан-танкистов игрой с двухпудовой гирей, выбрал момент, когда кунгас ударился о корму катера, и перебросил баллон...

— Перетаскивай, Федор Михайлович, в носовую каюту, — сказал механику Нетаев, невольно улыбнувшись изумлению Карташова. — А я буду их удерживать на палубе, чтобы не нырнули...

Баллоны, похожие на крупнокалиберные снаряды, один за другим падали на корму катера. Слышно было, как хрипло дышал богатырь, поднимавший их со дна кунгаса.

— Денис Алексеевич! Хватит, катер перегрузим! — нерешительно протестовал Иван Васильевич.

— Да то ж мне на целый год... Восемь штук. То не богато. Еще парочку, будь ласков! — И, не дожидаясь ответа, Денисюк с тяжелым вздохом бросил на катер еще один баллон.

Потом он неуклюже прыгнул сам и сразу вцепился в поручни.

— Качает, как на танке... по пересеченной местности. И мутит, ровно контузило, — проговорил он.

Штурман взмахнул топором, обрубил трос. Кунгас взлетел на гребень и исчез в темноте.

Денисюк навалился животом на машинную надстройку. Ему, видимо, было нехорошо.

— Если тошнит, надо работать, — участливо посоветовал Нетаев. — Идите с механиком откачивать воду.

Денисюк, минуту назад бросавший стальные баллоны, теперь, расслабленный, едва державшийся на ногах, поплелся в носовую каюту.

Вход в каюту был через рулевую рубку.

За стеклами рубки в темноте ревела вода. С грохотом била она в переборки и двери. Из-под стекол и через порог вода струйками стекала в каюту. Ее надо было вычерпывать ведрами. Денисюк стал помогать Карташову. Работать было трудно. При росте Денисюка ему нельзя было даже разогнуться, но все же работа ему помогала.

Карташов был хмур и молчалив.

Откачивали воду всю ночь, но вода прибывала. К утру поднялся ветер баллов до десяти. Положение катера становилось угрожающим. Он уже не прыгал по волнам. Изнемогая, он то ложился на борт, зачерпывая воду, то вдруг взлетал, готовый оторваться от гребня, а потом снова стремительно падал вниз.

Лишь на минуту спустился в каюту штурман.

— Ну, беда, Денис Алексеевич, — сказал он. — У катера ходу нет, против волн держаться не можем. Воды не вычерпать, сами видите.

— Так что ж? — сгорбившийся Денисюк остановился с ведром в руке.

— Баллоны надо будет сбросить, — сказал Нетаев.

— То ж не дело, товарищи! Мне ж год не с чем будет работать!

— Ничего не поделаешь, Денис Алексеевич, — как бы извиняясь, пожал плечами штурман.

— А если запустить дизель? — вдруг спросил Денисюк.

— Как запустить? — отозвался механик.

— Так вот вам сжатый газ! Двести атмосфер! — и Денисюк пнул ногой баллон.

Карташов удивленно посмотрел на Денисюка.

— Это водород, — веско сказал он.

— Так что ж?

— Рехнулся! — Карташов сердито бросил ведро. — Смесь водорода с воздухом — это же гремучий газ. Если мы будем провертывать дизель сжатым воздухом — верный взрыв. От катера щепки останутся!

— Э, ни! — поднял руку Денисюк. — Ты ж меня выслушай! То ж идея! Мы не смешаем водород с воздухом. Мы все всасывающие трубы заткнем. Карташов отрицательно покачал головой.

— Это нельзя... риск, — и отвернулся.

— Как понимаете. Только баллоны выбрасывать не могу.

— Как думаешь, Федор Михайлович? — нерешительно обратился Нетаев к механику.

— Никогда такого не слыхал, — сердито обернулся тот. — Пятнадцать лет механиком, немало людей выучил... Не могу пойти на такой риск.

Нетаев задумался. Денисюк, согнувшись, выжидательно смотрел на него. Наконец штурман повернул к нему свое лицо. Обычно мягкое, улыбающееся, оно сейчас побледнело и осунулось. Тонкие черты обострились.

— Почему вы считаете, что можно использовать водород? — с прежним спокойствием спросил он.

— А я ведь в Политехническом учился, только не кончил. Потом танкистом был, с танковыми дизелями возился. Из армии вернулся... — Денисюк отвел глаза, — ни дома, ни родных не нашел. Вот и пошел на курсы, чтобы в Арктику поехать. В общем — знаком я с дизелями.

— Послушайте, Денисюк, — твердо сказал штурман. — Я когда-то проходил в «мореходке» дизеля, но считайте, что я ничего в них не понимаю, и считайте, что сейчас я обязан все понять. Встаньте рядом со мной в рубке, мне надо к штурвалу. Карташов вам будет снизу подавать ведра, а вы выливайте воду на палубу... И объясняйте мне так, чтобы я понял, все понял!

Денисюк внимательно, с уважением смотрел на невысокого штурмана.

— Добре, — согласился он, — все расскажу.

Волны зелеными вспышками разбивались о стекло. Катерок взлетал вверх, и люди видели близкий зубчатый горизонт, покрытый гребнями волн. Потом катер срывался вниз, готовый перевернуться килем вверх, и люди теряли равновесие, едва удерживались на ногах. Денисюк, ссутулясь, стоял рядом со штурманом. Он брал ведра, которые ему подавал снизу механик, и выливал воду на палубу.

— Как дизель работает? Слушай, штурман. Первым делом поршень из цилиндра выдвигается и засасывает в него снаружи воздух. — Денисюк протянул вниз руку и взял ведро с водой. — То — первый такт. Потом поршень вдвигается в цилиндр и тот воздух, что туда попал, сжимает. Крепко его сжимает, так крепко, что воздух сильно нагревается. То — второй такт. Теперь третий такт. В цилиндр с горячим воздухом через форсунку впрыскивают жидкое топливо. Оно начинает гореть, образуя газы, а эти газы с силой выталкивают поршень. То — рабочий ход. И наконец последний такт: поршень идет обратно и выталкивает наружу расширившиеся газы. — Денисюк выплеснул воду на палубу. — Потом снова в цилиндр засасывается воздух. — Денисюк взял у Карташова новое ведро, полное воды.

Маленький штурман, бледный, напряженный, держась за штурвал, слушал эту необыкновенную лекцию. Он знал, что катеру в таком положении не продержаться и нескольких часов.

А сколько времени понадобится «Седову», чтобы найти в открытом море крохотный катер? Пойдя на риск, можно запустить дизель и держаться против волны — кто знает, как долго... Но вот, если взрыв?

— Теперь, как запустить дизель? Очень просто. Мы возьмем и закроем всасывающую трубу. — И Денисюк закрыл дверь в каюту. — Провернем дизель вручную. Поршни весь воздух, который в цилиндре есть, вытолкнут наружу, а нового не засосут. — Денисюк выплеснул из ведра остатки воды. — Теперь в пустой цилиндр... — Денисюк показал штурману порожнее ведро, — мы вместо топлива пустим сжатый газ из баллона. Сжатый газ вытолкнет поршень. Поршень выйдет из цилиндра, а потом обратно пойдет и расширившийся газ вытеснит наружу, не сжимая его, то есть не нагревая. Теперь снова первый такт. Поршень должен был бы воздух засосать, но ведь всасывающая труба закрыта. И снова цилиндр пустой. — Денисюк потряс ведром. — А тут опять рабочий ход подоспел. Вместо топлива к нам в цилиндр снова сжатый водород попадает. И видишь, он не смешивается с наружным воздухом. Ведро... то бишь цилиндр — пустой... Значит, нет никакой гремучей смеси. А вот когда мы несколько раз впустили в цилиндр сжатый газ, когда дизель раскрутился, тогда мы сжатый водород прикроем, а всасывающую трубу откроем. — Денисюк распахнул дверь. — Карташов, давай ведро.

Карташов высунулся в рубку.

— Послушай, Ваня! Пусть Денисюк — недоучившийся инженер, а я просто практик, судовой механик... Мыслимое ли дело... С водородом и такие штуки? Я еще с училища помню: водород — взрывчатое вещество. Тебе решать, Иван Васильевич, ты хоть и младше меня, а командир катера. Что до меня... — старший механик замолчал на мгновение, голос у него снова перехватило, — что до меня, так я ничего не имею против... взорваться. Того и стою, — в голосе Карташова зазвучала прежняя уверенность, — того и стою. Виноватым себя считаю... Ванюша, делай, как знаешь, — совсем тихо добавил он.

Нетаев побледнел, но не сказал ни слова. Он должен был решать. От того, понял ли он техническую суть вопроса, зависела жизнь людей и целостность маленького судна.

Денисюк и Карташов ритмично вычерпывали воду. Выкачав ее из каюты, они переходили в машинное отделение. Выкачивали оттуда, снова возвращались в каюту, выливая воду через рубку.

Нетаев молчал. Он сжимал в руках штурвал и думал...

Шторм разгулялся.

Даже «Георгию Седову» тяжело приходилось от качки. Радиста едва не смыло за борт, когда он бежал к капитану с радиограммой. Радист схватился за реллинги и с трудом удержался на палубе. Полузадохнувшийся, он распахнул дверь капитанской каюты... вода стекала с его щегольского кителя.

Капитан прочел радиограмму.

— Погода нелетная, — с горьким раздражением сказал он и, одевшись, поднялся на мостик.

Часами он простаивал здесь, обводя биноклем горизонт, но горизонт этот был так близок, что и в бинокле не было нужды.

Туман и ветер, ветер и туман — так бывает только в Арктике.

Палуба уходила из-под ног. Ветер срывал с волн пенные гребни и поднимал их высоко в воздух. Брызги обрушивались даже на капитанский мостик.

Капитан прочесывал море зигзагами. Корабль, разворачиваясь на новый галс, попадал под удар волны в борт и зачерпывал воду палубой. Прежде капитан избегал этого, боялся, что катер и кунгас сорвутся в воду... Теперь капитану было все равно. Катера и кунгаса на пароходе не было. Волны легко перекатывались через незагроможденную палубу.

— Летит! Летит! — послышался крик.

Капитан резко повернулся. Под низким небом летел самолет.

— Все-таки прилетел! Прилетел Баранов! Ведь это же Баранов! — обрадованно заговорил капитан, и глаза его замигали. Он вынул платок, верно для того, чтобы вытереть забрызганное лицо.

Летающая лодка сделала круг над кораблем. Моряки старались разглядеть в окнах кабины лица летчиков, но их не было видно. Самолет стал удаляться от корабля, почти касаясь волн. Не успев превратиться в черточку на горизонте, он исчез.

Еще два раза увидели моряки этот самолет, зигзагами летавший над морем, и наконец... получили радиogramму. «Катер в море зюйд-зюйд-вест от вас».

— Право на борт! Живее! — закричал капитан, размахивая сразу вымокшей бумажкой.

«Георгий Седов» стал разворачиваться, снова зачерпнул бортом, но теперь этого никто не заметил.

И через час с корабля увидели катерок. Маленькая точка то появлялась, то исчезала в тумане.

— Против волны держатся! Должно быть, направили дизель, — сказал капитан, глядя в бинокль.

С катера заметили пароход. «Петушок» теперь сам шел к нему, смелый боевой конек, с удалью взлетающий на гребни волн.

— Ай, молодцы! Ну и молодцы! — восхищался счастливый Борис Ефимович. — Герои, чем не герои? — твердил он.

Через двадцать минут моряки обнимали смельчаков, спасших себя и судно.

— Сколько баллонов утопили! — сокрушался Денисюк. — Теперь по малой программе весь год работать придется. А я пойду до каюты, отлежусь. Что? Не поморскому? Так я ж сухопутный, а море-то ваше...

— Вы его не слушайте, — заметил старший механик Карташов, — он, Денисюк, и есть настоящий моряк.

В кают-компании для встречи голодавших столько времени героев был накрыт праздничный стол, но герои еле добрались до своих кают и заснули непробудным сном.

Мы с капитаном зашли в кают-компанию. Буфетчица Катя, боясь, чтобы тарелки не разбились при качке, собирала их со стола.

— Вспоминается мне случай, — сказал капитан, — когда замечательный новогодний стол остался нетронутым... Было это на Большой Земле.